

18+

Стекаяшка

Илья
Крушевич

18+

Илья Крушевский

Стекляшка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61930968

ISBN 9785005155528

Аннотация

Яша с детства страдает психическим расстройством. Несколько раз в день он переживает мучительные приступы паники. Но, пока тело цепенеет, стараясь защититься от кажущейся такой близкой смерти, дух свободно взмывает вверх, чтобы с нового ракурса увидеть главные проблемы современности. Найти свежие смыслы в вечных темах любви, ненависти, религии и человечности. Или представить, что будет, если главной «скрепой» государства станет индустрия секса, а христианство будут рекламировать в телемагазине. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

«Просвечивающие предметы» современного автора и его героя	5
Стекляшка	8
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Стекляшка

Илья Крушевский

Дизайнер обложки Тоня Чжан

© Илья Крушевский, 2020

© Тоня Чжан, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-5552-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Просвечивающие предметы» современного автора и его героя

Книга Ильи Крушевского «Стекляшка» – искреннее и живое повествование, современное в своей краткой форме и искренней манере говорить, рассказывая о том, что происходит вокруг и во внутреннем мире. Неслучайно выбрано и название. Отражение сегодняшней жизни – непростая задача, возможность принять ее без мутного осадка – неплохая сверхзадача для молодого поколения.

Когда-то, в 90-е, а потом и в нулевые годы, скандинавские авторы, в частности Эрленд Лу, сначала в книге «Во власти женщины», а потом в бестселлере «Наивно. Супер» определили молодого автора, как лишенного слишком широкого спектра эмоций. Это уже не романтический герой, страдающий, мечущийся, но тем не менее весьма умный, практичный, полный сил и эмоций юноша, который прячет романтику внутри, выступая на поверхность как активный борец, без лишних амплитуд придуманных иллюзий. Таким он показался и более привлекательным, и даже более мужественным.

Современный герой «Стекляшки» Ильи Крушевского, без всякого сомнения, герой – выживающий, герой, который один из многих определяет свою жизнь, как наполненную

событиями и смыслами, вне зависимости от чьего-то мнения, понимания или оценки. Один из многих – это герой осознанно «обыкновенный», в своей «обыкновенности» создающий собственный, насколько похожий, настолько и отличный от других людей, мир. Его расцвет, жизнь и продольно-вертикальное движение наружу этому миру – основной смысл грамотно составленных кратких глав, из которых и состоит повесть.

Роман «Просвечивающие предметы» Владимира Набокова когда-то, весьма давно и совсем в иной литературной традиции, тем не менее определил основную задачу современной литературы, как рассказывающую о намеренно пропускающей способности личности, человеческой души, сознания. Точный узор ковра, который проступает сквозь хаотичный мир событий и иллюзий, позволяет понять, насколько этот мир, по большому счету, правильно и должным образом создан. Узор ковра – точная метафора человеческой жизни и ее проживания, смысл, который открывается нам не сразу. В этом смысле «просвечивающая» способность этого мира, как и нас самих, – единственная возможность определить смыслы и задачи, найти возможные решения.

Нарочитый эпитет «стекляшка» если не ставит повесть в один ряд со многими другими классическими повествованиями, все же следует определенной и очень хорошей традиции. Преломляя свой опыт, автор пытается определить вектор развития событий, как и накал современного движения.

Нина Щербак, литературный критик,
сценарист, доцент кафедры английской филологии
и лингвокультурологии Санкт-Петербургского
государственного университета.

Посвящается Юлии Радкевич

Стекляшка

1 марта

Дорогой дневник... или как там ещё принято? Меня зовут Яша Молдаванский. Я начинающий писатель, хотя моё имя больше подходит для мелкого воришки-карманника. Так... Что ещё тебе нужно обо мне знать? У меня синдром Туретта. Нет, не жди, я не кричу «хуй» во всеуслышание, это журналисты вроде меня придумали.

На самом деле всё гораздо скучнее: нервные тики и тревожное расстройство. Чуть ли не каждый день мне начинает казаться, что я задыхаюсь и умираю. Не вспомню уже, сколько раз я прощался с жестоким миром. Это не по-настоящему, но ощущения слишком правдоподобные. Иногда это продолжается целыми днями. Иногда доходит до мышечных спазмов. Представь, руки на месте, спинной мозг тоже, а ты даже подтереться не можешь, потому что тело будто околелело. Ладно, это всё равно лучше, чем судороги.

Короче, дневник, не обессудь. Я буду делиться с тобой своими мыслями, воспоминаниями, ну и писаниной, разумеется. Постараюсь придумывать названия, но ты же знаешь: это самое сложное.

Тебе, наверное, интересно, почему я обратился к твоим страницам именно сейчас. Безысходность или надежда на что-то новое? Да я и сам не знаю, но, думаю, по пути раз-

берёмся.

2 марта

Итак, сегодня был совершенно обычный день. Я выскок на улицу, как жирный прыщ на румяное девичье личико. Знакомые до тошноты декорации: ярко-жёлтый, тускло-жёлтый и говняно-жёлтый со щепоткой обвалившегося фасада. А теперь к нему ещё и прилипли зелёные строительные леса. Треск металлических джунглей на скорую руку.

– Лоботомия на завтрак? Спасибо, сдачи не надо. Вот мой мозжечок на чай.

По лианам скачут наши бывшие сограждане по Союзу. Лучше сказать, товарищи по несчастью. Приехали готовить город к очередному визиту солнцеликого. Ну и немного метро повзрывать.

Бух, бам, бац – крики, кровь, аплодисменты, овации! Итак, за беспрецедентную работу по дереву награждаются петербургские чиновники! Авансом. Благодарные зрители поднимаются на сцену, чтобы вручить победителю букет из двух гвоздик.

Ах, нет, это какое-то пьяное тело пытается удержаться на плаву. На часах нет и десяти. Ох уж эта аристократия с шампанским и креветками на завтрак! Кажется, господин поставил себе сверхзадачу. Похлеще ницшеанского канатоходца. Хрипылыми завываниями незнакомец встречает ту же судьбу. По его грязной изорванной куртке накрапыва-

ет дождь.

Долой уроки биологии. Выйти сухим из воды не получится. Я же не комок жира с сальным ебальцем, по-партизански пердящий в мягкие стулья Мариинского дворца днями напролёт.

Остановка. Стеклянные бутылки водят хороводы вокруг помойки. Ловлю суровые взгляды седых женщин с сумками на колёсиках на татуированных руках. Какой хер вышвыривает на улицу этих механических киборгов с повышенной грузоподъёмностью и заставляет стремиться не пойми куда?

Переполненный автобус. Гуляш из человечинки в консервной банке по ГОСТу. Героически уступаю старухе место. Однако в гонке за сколиоз побеждает спортсмен из Средней Азии. Но что это! Кондуктор дисквалифицирует атлета. Спорить не стал. Может, широкоплечий арбитр напомнил ему лысых двухметровых шпал, которые онанируют на свастику, пока в соседней комнате их мамыши текут от просмотра телевизора. Президент забил восемь шайб – о да... Вован сыграл на рояле – боже, быстрее!

Когда карга всё-таки смогла водрузить рыхлое мяско на автобусный пьедестал и упиться только что обретённой властью, из дряблого рта посыпались столь свойственные людям старым и никчёмным обвинения в адрес всего мира. По-видимому, недооценивающего без малого антикварную ценность рассыпающихся костей.

Жизнь – цирк, а я, блядь, клоун. Развлекать неблагодар-

ную публику? Номера семи миллиардов просмотрены и изучены до дыр в печени. Хм, а что в буфете? Эпидемия, революция, война – фу, уже приелось.

На сцене появляется гвоздь программы – вопрос «За чем?». Как нейрохирург, вооружённый пластиковым ножичком из детского кулинарного набора, пытаюсь удалить рудиментарное образование. Дабы моя губка с серым веществом не засохла раньше времени. Время, конечно, придёт. Но прежде вы у меня запоёте. Ваша скромная, красивая, невинная и тупая, как ангелочек, жизнь ещё снимет трусики. Познакомит, так сказать, с ассортиментом её венерических заболеваний.

3 марта

Извини, вчера я вспылел. Не отказываюсь от своих слов, но историю стоило начать с самого начала. Но где это начало? Где начинается инертное движение, называемое жизнью?

4 марта

УТЕШИТЕЛЬНЫЙ ПРИЗ

– Я пересчитал зарубки на стене. Всё, пора.

– Я не пойду.

– В смысле?

– Ничего не спрашивай.

– Давай поторопись. Уже кричит, слышишь? Тебе правда

не надоело торчать среди этих сырых красных стен? Хуже точно не будет.

– Надейся...

– Да что ты вцепился в эту верёвку! Собирайся!

– Последний раз повторяю: я не подписывался на эту чушь. Нечего было нажираться в Новый год. А теперь заткнись. Я о-ста-юсь.

– Да иди ты к чёрту...

– Надеюсь, она не верит в бога.

– Заткнись! Трусливое животное. Да, животное! У тебя даже имени нет. Думаешь, тебя не забудут? Будут плакать вечерами? Да тебя закопают в коробке из-под обуви около больницы. Под деревом, куда ходят ссать санитары на перекуре!

– Пускай.

– Что ты делаешь?

– Разве это не очевидно? Вешаюсь.

– Убери эту верёвку с шеи!

– Или что?

– Или я уйду.

– Этого я и жду. Не кончать же себя на глазах брата. Ты потом всю жизнь будешь вытирать сопли о жилетку психотерапевта, нытик. У меня тяжёлая психологическая травма, бла-бла-бла. Хоть сможешь оправдать собственное ничтожество... Жизнь – это лотерея без победителя. Лучше сразу признать поражение, чем изо дня в день трястись и ждать ре-

зультатов. Надежда. Бессонная спутница неудачников. Споткнись ты на минной растяжке, эта сука будет нашёптывать, что взрыва не будет. Утешительный приз у всех один – двухметровый ящик, плевать, из цинка или цельного дуба, – и пятизвёздочная яма в холодной земле. Всё включено, ведь ничего уже и не надо. А теперь скажи: кто из нас трус? А? Прости. Погорячился. Не лучшее прощанье... Хотя сравнивать не с чем. Ладно, хватит реветь. Я всё равно примерю этот шарфик. И, кажется, тебе пора. Видишь свет? Ступай же.

– Давай, тужься, ещё немного. Так, вот один. Ох, как кричит. Будущий начальник! А братец? Так, сейчас. Медсестра, выйдем на минутку... Да, сюда. Наташ, ты тут давно... Как бы родителям сказать. Ну, видела. Пуповина вокруг шеи, малыш не жилец.

5 марта

Знаешь, дневник, я решил стать журналистом, потому что думал, что это панацея от существования. Сам посуди: продавец, слесарь, врач, инженер – какое бы ни было образование, какой бы ни был социальный статус, паттерн всегда один. Скука, тоска, рутина – называй как хочешь.

Каждый человек уникален и заменим. Однообразные дни меняются на деньги, которые поддерживают работу внутренних органов, чтобы насладиться ещё одним днём, таким унылым, что через неделю ты и не вспомнишь. Мысль банальная, наверняка уже её слышал. Но она так давит.

«Найди работу себе по душе и отдыхай всю жизнь» – нет хуже лжи, чем ложь во благо.

Я думал, что у корреспондентов всё иначе. Каждый день – это что-то неповторимое. Может, даже опасное. Каким же я был дураком. Тот же паттерн. Только журналистика – это кладёшь человеческого дерьма, упакованного в пресс-релизы, криминальные сводки и брифинги.

А ведь в самом начале мне хотелось изменить что-то к лучшему. Понимаю, смешно. Даже если ты плюнешь на информационные предпочтения публики – а это бытовые убийства, изнасилования, сплетни – и каким-то чудом не наткнёшься на самоцензуру редакции, которая сидит на правительственных грантах, то есть напишешь что-то действительно важное, на следующий день об этом забудут.

Спасает самоирония. Как-то раз писал новость о том, что зять изнасиловал свою шестидесятилетнюю тещу-кухарку. Тогда я почувствовал себя автором синопсисов к порнороликам.

В соцсетях издания появилось примерно следующее: «На днях заботливый зять решил проведать тещу. Она работает поварихой в детском саду. Её пирожки – просто пальчики оближешь! Но на этот раз молодой человек решил полакомиться другими булочками...»

Нет, меня не уволили.

6 марта

ОТ ЗАКАТА ДО РАССВЕТА

Будильник визгом препарировал нервные клетки. Прошлой ночью произошло убийство. Я собственноручно прикончил свою печень.

– Как спалось? – спросил парень моей подруги, имя которого я не мог вспомнить.

Своё-то давалось только по слогам. Он был подозрительно свеж, будто вчера не выжрал бутылку водки, пока его мадам посасывала виски с колой через розовую соломинку. Курьер, студент хабзы, любитель фрешменов. Сам пытается читать рэп. Да, точно. Помню, как этот проспиртованный донжуан выдавал рифмы, как в детских стихотворениях Хармса. А после, перенервничав, отрубился. Одним словом, гений. И какого чёрта я не выгнал его искать приключений на свою гангста-биографию. В Фифти Сента стреляли девять раз. Херня. У голоса петербургских улиц отжали проездной и пиво.

– Да мне по пьяни всегда всякая дичь снится. Секс, «Колумбайн», война, – даже не знаю, зачем ответил.

На полу поминки. Пустые бутылки вина оплакивают своего преждевременно ушедшего осушителя. За окном купол Исаакия и каморка с шавермой. Собор работает с десяти утра до шести вечера, Ильнат – круглосуточно семь дней в неделю, включая праздники, государственные перевороты и военное положение.

Я вывалил моему бородатому другу горстку мелочи и мятую купюру.

– Как абыщна? – улыбнулся.

Для полного антуража не хватало только чеки от гранаты в зубах и РПГ возле гриля с халяльной курицей, которая носила никаб и не покидала птицеферму без мужа-петуха.

Я хлебнул кофе. В голове всё ещё шумело Балтийское море, а перед глазами плыли полотна абстракциониста Джексона Поллока: красный пластиковый стул, кофейная гуща, мятая салфетка, золотой зуб Ильната – лишились субстанции, потеряли предметность, став хаотичным ритмом красок, гармоничным безумием цвета. Мгновение. Оно несётся навстречу, как белобрысый мальчонка на старом синем велосипеде. Цепь трещит. Огромная отцовская кепка подскакивает на очередной кочке. Он улыбается беззубым ртом, смеётся, давит на звонок что есть мочи, обдувая ветром, проносится мимо и так же быстро исчезает за поворотом. Краски тускнеют, блёкнут. О прежнем великолепии напоминает лишь рельефный мазок. Как о нас – гравировка на гранитной плите под кривой берёзой около облупившегося забора.

В новостях на битом смартфоне – сплошной сюр и фарс над эволюцией. Малолетки убились порошком для цветного белья, думая, что это мефедрон. Трамвай сошёл с рельсов и врезался в автосалон. ОМОН без единого выстрела обез-

вредил кровожадную банду торговцев контрафактными яблоками, вооружённую колючими цветами. Шлюха до полу-смерти избил дилдаком бизнесмена, который зачем-то захватил в бордель сумку с парой миллионов. Во всех супер-маркетах исчезла гречка после сообщения о том, что скоро крупа подорожает на 15 копеек. Дагестанский трансгендер по вызову изнасиловал собаку клиента. Нет, наверное, солипсисты правы, и эта аутоканнибалистская реальность (как и они сами) – лишь плод моего воображения, без устали творящего номинантов на премию Дарвина...

И всё равно звонят с работы. Неужели моя реальность не могла придумать что-нибудь поинтереснее? Прежде чем ответить, я несколько раз проговорил приветствие, подбирая самую трезвую интонацию.

– Добрый день! Репортаж? Да, конечно, помню, смогу.

Я обещал переночевать на вокзале и написать об этом. В стекле отражалась моя помятая физиономия. Что ж, самое время.

* * *

Московский вокзал ослепителен. Фонари, фары, светофоры, магазинные вывески, шашки такси, диоды бегущих строк – и из глаз посыпалась стружка сетчатки. Холодный ветер залезал под пальто и щипал бледную кожу. В лицо плевался дождь. Мы привыкли к унижениям. Этот климат кого

угодно отхлещет плёткой по заднице.

В зале ожидания за крепостными стенами на колёсиках и картонными башнями ныли дети и рычали мамы. От привратниц воняло старостью и килограммами пилуль-пустышек, которые они пихают во все имеющиеся отверстия, чтобы не чувствовать боли. А ещё не смеяться, не плакать, не любить, не ненавидеть – не ощущать вообще ничего, что хоть отдалённо напоминало бы о том, что они ещё живы. Ты сам вправе решать, когда умереть. Опустить занавес гораздо раньше, чем туша начнёт вонять. Или по традиции – вообще его не поднимать.

Бродя по коридорам, я наткнулся на тихую розовую лестничную клетку, сел на ступеньку, положил голову на шершавую стену, закрыл глаза...

– Молодой человек... – В паре метров так же сидел заросший худой мужик в рванье.

Меня уже выворачивало от предстоящих мольб и благословений. Но он ничего не просил. Он молчал, уставившись в ступеньку.

– Я из Беларуси. Работать приехал сюда. Никто меня там не ждёт. Никто не ждёт. Вот я и подумал, может, с деньгами будут ждать. А теперь не дождутся.

Мой сосед закашлялся и снова замолк, не отрывая взгляд от бетона.

– Почему меня все бьют? Битой дали по спине, отпинали и ограбили. Это я понимаю... Но полиция зачем? Я же ни-

чего не делал.

Молчание. Короткие брюки оголяли ссадину с кулак, обмотанную пожелтевшими бинтами. Он гнил заживо.

– Сейчас охранник увидит. Тоже бить будет. Но я же тихий, не мешаю. Просто хочу погреться.

Он смотрел не на ступеньку. Он смотрел в бездну, которая звала к себе.

* * *

Ужасно хотелось есть, а последние деньги я пожертвовал Ильнату на развитие мирового терроризма. Продавец при вокзального бистро дремал на прилавке рядом с беляшами, которые ждали именно меня. Прихватить парочку и уйти? Нет, слишком рискованно. И скучно.

По опустевшему двору вокзала шёл будто откормленный на убой двухметровый одинокий кабан моего материального благополучия. Традиционная русская причёска – лысик с редкой чёлкой на лбу – была ему к лицу, измазанному майонезом.

– Извините, не могли бы вы помочь... рюкзак украли... – Как там?.. Щенячьи глазки, вот!

– У тебя же украли, а не у меня, ха-ха! – Куски шавермы полетели во все стороны.

Я вернулся в зал и уселся на скамейку. Перед вокзалом, как перед богом, все равны: и пассажиры, и мигранты, и бом-

жи.

– А вы закиньте ноги на противоположную скамейку, чтобы варикоза не было. Закиньте-закиньте! Я хирург, своё дело знаю.

– Поезда ждёте? – спрашиваю.

– Жду другой жизни... Вы, случайно, не знаете, когда она прибывает?

В другом конце зала ругань.

– Поднимаемся, гражданин, поднимаемся! Лёжа спать запрещено – спим сидя!

Спасибо охраннику за нашу безопасность. Следующей его жертвой стал пакет с пакетом внутри, который фуражка тыкала рацией. По регламенту – бесхозный предмет, представляющий угрозу взрыва.

– Что же там такое? Наверное, бомба. Ух, ещё раз – и пиздец. – Мой сосед ржал и не мог успокоиться.

Пуускай рванёт. Громко, ярко и кроваво. Хотя бы потеплее будет. В холле 13 градусов. В посетителях – в лучшем случае 40.

Когда товарищ Закон скрылся за металлодетектором, я наконец-то улёгся, положив под голову шарф.

«Скорый поезд Петербург – Мос... пра... в... ять... три... вним...»

7 марта

Неужели опять поторопился? Сначала стоило поговорить

о детстве, да? Но осознание собственных неврозов не избавляет от них. И не хочу я избавляться. Ну был я толстым и влюбчивым подростком: девчонки меня всё время отшивали. Никаких подробностей! Иначе наш разговор превратится в очередной бестолковый bildungs-роман. Короче, теперь я постоянно пытаюсь доказать окружающим, что тоже достоин любви, признания, уважения. Плевать чем: эрудицией, стилем, уже плоским животом. Важно лишь превзойти соперника. Я не пытаюсь его унижить... Ладно, пытаюсь. Ты уже понял, что я себя не люблю. Внутри меня живёт маленький фашист-диктатор. Зато я постоянно пытаюсь себя совершенствовать. Наверное. Да и какой азарт, когда вся жизнь – это состязание, нет, это война!

Ладно, уговорил, завтра расскажу одну историю из детства. Тогда я ещё не переехал из Калининграда – хотя мне ближе старое название Königsberg, что переводится как «королевский замок», – в культурную столицу, в которой живут по большей части бескультурные люди.

8 марта

РОЗОВАЯ ЛОШАДКА

Я шёл вдоль серых кирпичных гаражей и пыхтел кофейной самокруткой. Жадно вдыхал дым, только бы не чують здешних ароматов. Освежитель воздуха работал исправно, но в горле першило, да и глаза уже начинали слезиться.

Сварка, краска, выхлопы – кажется, букет не менялся

здесь несколько десятков лет. О течении времени напоминали только надписи на воротах. «Ирон Майдан», «Эминем», «Силена Гомис». Разношёрстная всё-таки публика. Но чтобы установить авторство, не нужно быть графологом. Пластиковые полторашки – явный почерк школьников, которые ныряли в кирпичный лабиринт, чтобы заправиться «Жигулями».

Кульминацию вакханалии ознаменовали крики и смех:
– Смотри, да он же на себя наблевал!

Затем юного Диониса транспортировали домой, где Фемида и Арес выносили приговор и тут же приводили его в исполнение ремнём, скалкой или огромной замороженной рыбой, оказавшейся на удивление многофункциональной.

Этот серый пейзаж с цементными прожилками напоминал флорентийскую Галерею Уффици. Только вместо скульптур гениев Возрождения живая энциклопедия ума современного. Точнее, его отсутствия. Тактильный зоопарк, обитатели которого никак не могут сдохнуть. Тема для диссертации по психиатрии.

Спина ныла. Я тащил двадцать килограммов барабанного железа.

– Ха-ха, ты чё, бля, черепашка-ниндзя? – У ржавой «семерки» блестела потная лысина. Под красными растёкшимися щеками догнивали зубы, а из-под мокрой майки свисал жир.

На капоте стояла пустая бутылка, пластиковые стаканчи-

ки и морковка по-корейски. Более лёгкие на подъём господа ушли за догоном.

– Хорошее место для пикника, – говорю.

– Тебе чё-то не нравится?

– Отнюдь нет. Всё прекрасно. В пяти минутах кладбище.

Присмотри местечко между первой и второй. Ведь всё равно твоё хилое сердечко вскоре окончательно обрастёт салом.

А копать придётся много, очень много.

– Слыш, пидор, я те ща ебало разобью, – кричал, задыхаясь, бочонок в трениках. Но так и остался стоять, оперевшись на скрипучую дверь.

Эх, досада! Я же уже предвкушал, как он включит рейдж-мод и понесётся, сотрясая старую черепицу. Может, в пыльном боковом зеркале он увидел догоняющую его смерть?

Пожалуйста, прижмитесь к обочине. Так, Александр Дмитрич, нарушаем, значит. В бога верите? Договориться? Нет, взятки в нашем ведомстве не берут. Раньше парой свечек можно было вопрос уладить, в теперь всё строго: слишком много грешников, мой дорогой. Сейчас и вас по базе пробьём...

За нужной дверью – на ней розовым баллончиком нарисован православный крест – уже ворчал саксофон. На стене, для лучшей акустики обклеенной пенопластом, висел милицкий китель.

– О, здорово! Шмель, – прорычал прокуренным блюзовым голосом рыжий парень в белой рубашке и клетчатых

подтяжках. – Расставляй кухню, все уже здесь.

На диване между полутораметровых колонок сидели гитара, бас, сакс и Антон. То есть перкуссионист. Стучал он откровенно паршиво, но из большой любви к другу мы позволяли ему хотя бы играть в музыканта. К великому счастью, на этот раз микрофона Антону не хватило. В качестве компенсации он получил скипетр и державу настоящего джазиста. Простыми словами, бутылку водки и литр яблочного сока.

Я уж было рванул к установке, как кто-то меня отдёргнул. – Аккуратнее. Смотри не упави, – Шмель указал на крыторемонтную яму. – А нас тут долг за электричество сто тыщ. Но мы не палимся. Прежние хозяева траву выращивали. Эти фиолетовые лампы охерительно много жрут.

Рядом сидела Диана. Она была чем-то угашена, но оттого не менее прекрасна. Длинные чёрные волосы, бледная кожа, взгляд слегка высокомерный, из осторожности. Майка с отрезанными рукавами выдавала отсутствие лифчика.

* * *

Ноты шепчут, рычаг, орут, царапают стены, лезут в подвал, обжигают, наполняют комнату до краёв, топят, как щепят, стреляют, разрывая мягкую плоть, возбуждают, успокаивают, бегут по телу, стремительный вирус, добиваются до мозга, ты заложник раз два три четыре пять шесть семь

восемь раз два три четыре пять шесть семь восемь драка познание секс пьянство власть любовь смиренность ночь

* * *

Под луной мы прыгнули в машину и помчались мимо окологородских домов. Сытых и тёплых конур для обрюзгших гонимых, что отныне охотятся лишь на дичь в холодильнике.

Сынок, мы с мамой так любим друг друга... Вкусное пирожное? Дай-ка мне десертную вилку, я сделаю маме коррекцию зрения. Я так постарел, ужасно постарел. А ты всё не взрослеешь. Годы пожирают меня изнутри, как опарыши. Боль усиливается. Но время придёт. Обязательно придёт. Едва ты покинешь отчий дом, эта шлюха меня больше не увидит. Не говорить так о маме? Это неправда? Может, сам проверишь, уёбок? Хочешь же?! Давай, засунь ей руку между ног. Поиграй пальчиками, несостоявшийся пианист... Я исчезну! Пропаду. Да я лучше подохну от чёрного в дешёвой сауне среди узбекских проституток, чем ещё хоть сколько-нибудь слушать эту писклявую псину.

– Тормозни!

В садике перед жилищем счастливого семейства стояла розовая лошадь-качалка.

Мы оглянулись. Конь воспарил над забором и приземлился в багажник.

* * *

Я лежал на траве с лошадкой и вглядывался в мутное небо. Пил пиво. Лошадка воздерживалась. Ведь сегодня она впервые покинула родной садик у калитки. Я тоже скоро уеду, оставив в гараже будущих таксистов, курьеров, ведущих свадеб, продавцов-консультантов. А Диана окончательно сторчится. Перед жизнью уцелеют только ноты.

9 марта

Да, что-то в этом было... Хотя, скорее всего, это просто ностальгия. Обманчивая сука.

Извини, если я уходил от темы. Последнее время бываю не в ладах с мыслями. Ладно, попробую ещё что-нибудь вспомнить.

10 марта

УРОК

Женщины, музыка, тупость – этим триединством исчерпывались мои мысли в старших классах. О первых я думал, когда занимался второй, а третья до сих пор окружает меня, где бы я ни оказался.

Как-то в школу чуть ли не под руки притащили старуху, которая ещё помнила главную городскую площадь как Adolf-Hitler-Platz и почти полвека, вплоть до эпохи лесбийских гёрлз-бендов и легального эфедрина, преподавала русский язык и литературу. Наконец она была готова поделиться мудростью с подрастающим поколением и, надеялся я, ис-

пустить-таки дух.

– Мальчики и девочки, вы... такие хорошие, воспитанные... умные. Спасибо, что пригласили меня. У вас вся жизнь впереди... Послушайте меня, ребята... Я всё-таки много повидала всего. В войну... Страшное время... Лишь бы войны не было, лишь бы, лишь бы... – реплики отыгрывала неплохо, ничего не скажешь. – У меня для вас совет. Послушайте меня внимательно, пожалуйста. Недавно учёные доказали, что люди, которые матерятся, чаще заболевают раком и бесплодием. Я и сама с этим сталкивалась. Моя...

Короче говоря, тут я реально охуел. Рванул из кабинета, забежал в столовую, взял растворимый кофе с сухим молоком, поймал на себе воздушный поцелуй смерти от завуча, накинул коричневое пальто, подмигнул охраннику, глотнул свежего воздуха, кофе, нырнул в лужу, матюкнулся, отбарабанил каблуками брогов по немецкой брусчатке, пересчитал морщинки на асфальте, щёлкнул портсигаром, затянулся.

* * *

В туалете воняло мочой и хлоркой. За дверью кабинки причмокивали куриным помётом. Лицеисты... те ещё гурманы. Умылся, зализал белобрысину, поправил красный бархатный платок в нагрудном кармане пиджака. Во втором купе кто-то штурмовал Кёнигсберг. Артиллерия не утихала.

Пора ретироваться с поля брани среди белых кафельных стен.

История. Я осел за последней партой с нацарапанными циркулем словами: «Мартынов долбаеб». Ну это уже вчерашняя новость. Молва о перспективном молодом учёном, который в одиночку ставил эксперименты со спиртом под столом на уроке физики, обрела нешуточную популярность и целую плеяду храбрых последователей, вознамерившихся повторить опыт – или даже превзойти – великого учителя. На двадцатиминутной перемене бегали через улицу за образцами. «К хачам», – как говорили сами исследователи. Белый ларёк держался на восточных сладостях и осиновых ветках: в любой момент мог рухнуть. Зато не приходилось корчить «давно совершеннолетнего». Приди сюда метровый шкет с Looney-Tunes-ранцем за баночкой «Страйка» и пачкой «Петра» – ему бы упаковали всё в блестящий пакет и посоветовали закусывать мороженым.

Если старушенции с раком от мата можно сделать скидку за частичную мумификацию, то сверстникам оправдаться нечем. В голове зазвучал голос Николая Николаевича Дроздова: «Урок истории – одна из наиболее благоприятных почв для демонстрации своей хитрости и смекалки. Посмотрите, как эти юные приматы мило кривляются в надежде запутать хищника».

– Германия напала на Польшу в... Простите, Антонина Эдуардовна, электричество отключили, а у меня учебник

на телефоне... – жалобно тараторила жертва природы, пока моргал в кармане сотовый. Мама пишет, что горячую воду дали.

11 марта

Вот перечитываю: и ничего примечательного. Но так за- село всё это в памяти. А если бы всё кончилось иначе?

12 марта

ДЕВСТВЕННИК

– Германия напала на Польшу в... Простите, Антонина Эдуардовна, электричество отключили, а у меня учебник на телефоне...

Опять меня оставили после уроков. Впрочем, несмотря на полировку парт, компанией Антонины Эдуардовны я наслаждался.

На вид ей было лет тридцать. Мне же едва исполнилось 18. Я засматривался на ее короткие чёрные волосы, большие янтарные глаза, острый носик. Когда думала, она прикусывала нижнюю губу, над верхней – почему-то это всегда ассоциировалось у меня с француженками – красовалась маленькая родинка. Для пушей строгости она носила юбку-карандаш, но та только подчёркивала прелестную фигуру.

Когда её встречал муж, меня передёргивало. Эта жаба с монашеским котелком из волос, целованная, но так и не ставшая принцем, неумело вела под руку романтическую

парижанку, которую судьба занесла чёрт знает куда.

– Зашторь окна, Яша, – попросила Антонина Эдуардовна.

Она сидела за столом вполоборота, высоко положив ногу на ногу так, что из-под задравшейся юбки виднелся край чулок, – вот-вот, опять прикусила губу! – и изучала журнал. Я отвернулся, чтобы избежать катастрофы. Мои вздутые штаны не соответствовали почётному статусу дежурного.

– Спасибо, а теперь садись.

Я повиновался. Она ехидно улыбнулась, нарочито медленно облизала палец, демонстрируя острый язык, и перелистнула страницу. Щёки горели, а Антонина декламировала мои оценки. Честно говоря, есть чем похвастаться, но думал я совершенно не об этом.

– Пять, – произнесла она своим обычным, учительским голосом.

– Четыре, – тон стал мягче.

– Пять, – будто промурлыкала.

– Ноль, – вождедеющий шёпот застыл в ушах.

Её ножка тёрлась о мои штаны. То ли задыхаясь, то ли от бессилия я открыл рот. Там уже блуждал тёплый язык. Сложно сказать, сколько это продолжалось. Вдруг она встала, томным шагом дошла до доски и повернулась. Она растёгивала рубашку, пуговица за пуговицей, толкая меня всё ближе к пропасти. Теперь её твёрдые соски тоже смотрели на ошарашенного старшеклассника. Вслед за рубашкой полетела юбка. Её губы сжимали стринги, а по ляжке тёк сок.

– Ну и чего же ты ждёшь, дурачок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.